

— Давайте еще раз. Вы хотите, чтобы мой брат позволил вам проверить его дом на наличие призраков?

Она кивнула.

Дев правда не знал, что на это ответить, но затем увидел, как она закусывает нижнюю губу. Как бы дерьмово это ни звучало, он понял, что может торговаться. И есть кое-что, чего он хочет. На самом деле, он много чего хотел.

— Я проведу вас в этот дом.

— Что? — В ее голосе прозвучало удивление. — Вы серьезно?

Полуулыбка тронула его губы.

— При одном условии.

— Каким условием?

Он сел прямо и наклонился так близко, что почувствовал ее дыхание. Его снова дразнил запах кокоса.

— Это довольно серьезное условие.

— Ладно. Какое?

То, что он собирался сказать, не было запланировано. Это не было сказано так, как ему хотелось и как он привык говорить. Это условие было тем, чего он желал так сильно.

— Поцелуй меня, — тихо сказал он. — Поцелуй меня. Это мое условие.

*Дженнифер Арментроут
Лунный скандал
Роман из серии «Де Винсент»*

Это — художественное произведение.
Имена, персонажи, места и события
являются плодом воображения автора
или переосмыслены художественно
и не могут быть истолкованы
как реальные.

Любое сходство с реальными
событиями, местами, организациями
или людьми, живыми или умершими,
совершенно случайно.

Тебе, читатель

АВТОРСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Я люблю шторы из бусин.
Просто чтобы вы знали.

ГЛАВА 1

Стоя на коленях, Рози Херпин глубоко вздохнула, успокаиваясь и стараясь не обращать внимания на острые камешки, впивающиеся в кожу. Она наклонилась вперед, прижав ладони к теплomu, выцветшему на солнце камню. Было не очень удобно стоять на коленях в платье с запахом, но сегодня Рози не собиралась надевать джинсы или леггинсы.

Она закрыла глаза, скользнув рукой по камню, проследила ладонью неглубокие линии, старательно вырезанные на поверхности. Ей не нужно было смотреть, чтобы знать, что она нащупала имя. Его имя.

Йен Самюэль Херпин.

Проведя пальцами над каждой буквой, она прочитала их про себя, а когда закончила, добравшись до буквы «Н» в фамилии, замерла. Рози не нужно было двигаться дальше, чтобы знать, что за цифры написаны ниже. Йену было двадцать три. И ей не нужно было открывать глаза, чтобы прочитать единственную выгравированную в камне строку — эта строка была вырезана в ее разуме.

«Пусть он обретет покой, что избегал его в жизни».

Рози отдернула пальцы от камня, но не открыла глаз, когда подняла руку к груди, прямо к сердцу. Она ненавидела надпись. Его родители, благослови их Господь, выбрали эти слова, а ей не хватило ни разума, ни духа, чтобы спорить с ними. Теперь она жалела об этом.

Покой не убегал от Йена. Покой был рядом с ним, ждал его, окружал его. Покой просто... не мог к нему прикоснуться.

Это было другое.

По крайней мере для Розы.

Десять лет прошло с тех пор, как они планировали свое будущее: эти планы включали степень в колледже, дом с красивым двориком, детей, и может быть, если даст Бог, внуков, которых они могли бы баловать на пенсии. Но закончилось все пистолетом, и Розы даже не знала, что он был у ее мужа.

Десять лет она снова и снова мысленно прокручивала в голове то короткое время, когда они жили вместе, ища свидетельства того, что все, чем они были и чем хотели казаться, было лишь фикцией. Потому что они жили двумя разными жизнями. Розы верила, что все идеально. Да, у них были проблемы, как и у всех, но для нее в них не было ничего серьезного. А для Йена? Его жизнь вовсе не была идеальной. Для него она была борьбой. Не постоянной. Не той, с которой сталкиваешься каждый день. То, что преследовало его в мыслях и чувствах, было тщательно скрыто. Его депрессия была тихим убийцей. Ее приближения никто не видел: ни семья, ни друзья, ни даже сама Розы.

Лишь много-много лет спустя, после долгого душевного самоанализа, Розы пришла к шаткому осознанию того, что их жизнь не была полной ложью. Розы прошла все стадии горя, прежде чем дошла до этого понимания. Кое-что в их жизни было правдой. Йен

любил ее. Она знала, что это правда. Он любил ее всем своим существом.

Влюбленная школьная парочка. Вот кем они были.

Они поженились летом после окончания школы, и оба много работали, чтобы устроить совместную жизнь. Может быть, работали слишком много, и это наложилось на то, что его беспокоило. Он проводил долгие дни на сахарном заводе в то время, как Роза посещала Тулейнский университет, работая над получением степени. У них было много планов, было будущее, которого Йен отчаянно хотел больше всего на свете.

Ей было двадцать три. Она почти окончила колледж, и они искали свой первый дом. Она как раз была в пекарне родителей в городе, когда ей позвонили из полиции и велели не возвращаться домой.

Оставался месяц до получения степени, когда Йен позвонил в полицию и сообщил, что собирается сделать. Они только начали процесс подачи заявки на ипотеку, когда она узнала, что ее муж не хотел, чтобы она вернулась домой и обнаружила его тело. Оставалась неделя до его дня рождения, когда их живая и дышащая американская мечта превратилась в американскую трагедию.

За столько лет она так и не поняла, почему он сделал это. Столько лет она была чертовски зла и чувствовала такое чувство вины, будто она могла что-то изменить. Что-то сделать. Лишь когда она поступила в университет Алабамы на психолого-педагогическую программу, то начала понимать, что предупреждающие знаки действительно были: красные флажки, на которые большинство никогда не обращает внимания.

На лекциях она понимала, что депрессия — совсем не то, чем ее считают и чем она сама ее считала.

Йен улыбался и жил, но он делал это для Розы. Он делал это для семьи и друзей. Он улыбался, смеялся, каждый день вставал и шел на работу, строил планы и бездельничал с ней по воскресеньям, чтобы она не беспокоилась и не переживала о нем. Он не хотел, чтобы она чувствовала то же, что и он.

И он продолжал так жить, пока хватало сил.

Вина, в конце концов, обернулась сожалением. А сожаление таяло, пока не превратилось в сосредоточение эмоций, которые всегда, что бы ни случилось, будут возникать, когда она позволит себе думать о том, как все могло бы сложиться. Где бы они были, кем бы они были, если бы все сложилось иначе. И это было бы чем-то совершенно обыденным.

Теперь он был мертв уже дольше, чем она знала его при жизни. И хотя с каждым месяцем, каждым годом становилось легче, ей все еще трудно было даже произнести его имя.

Розы не верила, что после смерти того, кого ты любил по-настоящему, кто был не просто твоим лучшим другом, но и твоей половиной, можно оправиться и просто жить дальше. Ты уже не вернешь ту часть себя, которую навсегда отдал другому. Когда его не стало, эта часть ушла вместе с ним. Но Розы верила, что можно смириться с тем, что потеряно, и продолжать жить, наслаждаясь каждым днем.

И ничем она так не гордилась, как тем фактом, что смогла сделать это. Никто, ни один чертов человек не мог сказать, что она проявила слабость, что она не отряхнулась и не поднялась вновь на ноги, потому что никому никогда не понять бурный, постоянно меняющийся поток жестоких эмоций, которые приходят, когда тот, кого вы любили больше всего на свете, кончает с собой.

Никому.

Она получила не одну и не две степени, а целых три. Она окончила университет и начала развлекаться так, что временами ей казалось, еще чуть-чуть — и кто-то вызовет полицию. Она занялась тем, что раньше было лишь интересом. Интересом ко всему паранормальному, который она делила с Йеном и превратила его в настоящий способ заработка, благодаря которому она познакомилась с лучшими людьми в ее жизни. Роза стала часто ходить на свидания. Черт, у нее только что было свидание с парнем, с которым она познакомилась, когда работала в пекарне родителей. И она никогда не сдерживалась. Никогда. Жизнь была слишком коротка, чтобы сдерживаться.

Ей преподали эти жестокие уроки.

Но сегодня, в десятую годовщину со дня смерти Йена, было трудно отделаться от ощущения, будто все это случилось вчера. Было почти невозможно не погрузиться в удушливую печаль.

Подняв руку к шее, она потянула за золотую цепочку, которую никогда не снимала. Роза вытаскивала ее из-под ворота платья, обвив пальцы вокруг золотой полоски. Кольцо мужа. Она поднесла его к губам и поцеловала теплый металл.

Когда-нибудь она спрячет это кольцо в надежное место. Она знала это, но день еще не пришел.

Открыв глаза, она сморгнула слезы и опустила взгляд на лежащий на земле букет свежих цветов. Пионы. Ее любимые, потому что у Йена любимых цветов не было. Это были наполовину распустившиеся маленькие бутоны с розовыми сердцевинами, которые потом станут совсем белыми. Подняв влажные стебли, она вдохнула густой, розовый аромат.

Роза нужно было идти. Она обещала своей подруге Никки помочь сегодня с переездом, так что пора

возвращаться в квартиру, переодеваться и быть хорошей подругой.

Она наклонилась, когда услышала тихое быстрое проклятие, заставившее ее вскинуть голову. Обычно она не слышала проклятий на кладбище. Обычно тут было довольно тихо. Легкая улыбка тронула ее губы. Обычно проклятия и кладбище не сочетались. Она осмотрела узкую дорожку справа от себя и ничего не увидела. Откинувшись назад, она посмотрела налево и нашла источник звука.

Мужчина стоял на одном колене к ней спиной и подбирал цветы, упавшие в оставленную недавним ливнем лужу. Даже с того места, где она сидела, было видно, что его нежный букет безнадежно испорчен.

Прикрыв глаза рукой, она прищурилась от солнечного света, наблюдая за тем, как мужчина встает. Он был одет так, словно пришел сюда прямо с работы. Темные брюки с отлично сидящей белой рубашкой. Рукава закатаны до локтей, обнажая загорелые предплечья. Было начало сентября, и Новый Орлеан все еще крутился в седьмом круге адской жары, такой же влажной, как яйца Сатаны в полдень, так что если она едва не умирала в своем черном платье, то он, должно быть, готов был уже снять рубашку.

Все еще стоя к ней спиной, он смотрел на испорченные цветы. Его плечи напряглись, когда он развернулся в другую сторону. Быстрым шагом он понес цветы к увитым испанским мхом дубу. Там стоял небольшой мусорный бак, один из немногих на всем кладбище. Мужчина бросил цветы, повернулся и быстро исчез в одном из многочисленных переулков.

О, боже, какой отстой.

Сочувствуя парню, она бросилась в бой. Осторожно вынула половину стеблей, а затем склонилась,

поставив оставшиеся цветы в вазу перед могилой Йена. Она подхватила ключи и, поднявшись, надела темные очки в фиолетовой оправе. Пospешив вниз по протоптанной тропинке с пятнистой травой, она свернула на дорожку, по которой ушел парень. Удача ей улыбнулась, потому что она увидела его у похожей на пирамиду могилы. Там он свернул вправо, и она почувствовала себя немного преследователем, когда поспешила за ним.

Конечно, она могла бы окликнуть его и просто вручить оставшуюся часть пионов, но кричать незнакомцу на кладбище казалось ей просто неправильным. Ее мать косо посмотрела бы на нее, если бы она начала кричать на кладбище.

Никто не умел так косо взглянуть, как ее мать.

Мужчина еще раз свернул и исчез из поля зрения. Держа цветы, она прошла мимо могилы с большим крестом, а потом замедлила шаг.

Она нашла его.

Он стоял перед массивным мавзолеем, охраняемым двумя великолепными плачущими ангелами. Он просто стоял там, такой же неподвижный, как эти ангелы, руки его были напряженно выпрямлены вдоль тела, а кулаки — сжаты. Она шагнула вперед, а ее взгляд скользнул к имени на мавзолее.

Де Винсент.

Ее глаза распахнулись, когда она пробормотала:
— Матерь божья.

Мужчина оглянулся через плечо, и Роза вдруг поняла, что стоит всего в нескольких футах от Дьявола.

Так его называли в желтой прессе. Так его называли почти все в ее семье.

Так Роза любила называть его *в своих самых безумных мечтах*.

Все в Новом Орлеане, штат Луизиана, и, возможно, больше половины страны знали, кто такой

Девлин де Винсент. Кроме того, его фото с невестой было во всех газетах в разделе «Светская жизнь и развлечения». Он был старшим из трех оставшихся братьев де Винсент, наследников такого состояния, которое Розы, как и большинство людей в мире, представить себе не могли.

Мир тесен.

Глядя на него, она могла думать лишь об этом. Ее подруга Никки работала на де Винсентов. Ну, она временно работала на них, и прямо сейчас у нее что-то было со средним братом. На данный момент все происходящее напоминало полнейший хаос, и Габриель де Винсент определенно находился в списке «Парней, Которым Пора Разгрести Свое Дерьмо».

Но дурная слава де Винсентов и то разгорающиеся, то затухающие отношения ее подруги с Гейбом были не единственной причиной, по которой она знала о них больше, чем среднестатистический обыватель.

Дело было еще и в их доме... в их земле.

Поместье де Винсентов считалось одним из самых паранормальных мест штата Луизиана. Розы знала это потому, что была слегка одержима всеми легендами, окружавшими землю и семью, включая легенду о *проклятии*. Да. Предполагалось, что семья и земля прокляты. Было ли это круто? Ладно, может, это не было круто для тех, кого касалось напрямую, но Розы была очарована самим фактом.

Из расследования, которое Розы провела тысячу лет назад, у нее сложилось впечатление, что дело было в самой земле. В конце восемнадцатого, начале девятнадцатого века Новый Орлеан был поражен многочисленными вспышками болезней. Оспа. Испанка. Желтая лихорадка. И даже бубонная чума. Тысячи людей погибли, и еще больше попали в карантин. Часто мертвых и умирающих размещали

рядом, оставляя гнить. Земля, на которой стоял дом де Винсентов, широко использовалась во время одной из таких вспышек. И даже после того, как дом был построен, земли вокруг еще некоторое время использовались во время более поздних вспышек. Все эти болезни и смерть, замешанные на горе и безнадёжности, оставляют после себя неприятные флюиды.

И, черт возьми, у земли де Винсентов были плохие флюиды.

Сам дом горел несколько раз. Пожары можно было легко объяснить, но все эти смерти? И было то, о чем рассказывала ей Никки. Было проклятие де Винсента и кое-что еще более безумное.

Линии лей.

Линии лей представляли собой практически прямые линии энергии, идущие через весь земной шар, и считалось, что они контролируют духовные связи. Та линия, что тянулась от Стоунхенджа, пересекала Атлантику и проходила через такие города, как Нью-Йорк, Вашингтон, округ Колумбия, Новый Орлеан. И, согласно ее исследованиям, прямо по земле де Винсентов.

Рози пошла бы на что угодно, плохое и ужасное, чтобы проникнуть в этот дом и провести там расследование.

Но это вряд ли когда-либо случится. Когда Рози заикнулась об этом Никки, та осадила ее быстрее, чем успели бы остыть свежееиспеченные булочки.

Никогда раньше она не встречала де Винсентов и уж точно не сталкивалась с Девлином де Винсентом, но она видела достаточно его фотографий, чтобы понять, что Девлин... ну, он ей нравился.

В нем было нечто, что разгоняло ее гормоны до скорости Шевроле Импала тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Широкоплечий, с узкими

бедрами, этот мужчина был высок, гораздо выше шести футов. Его темные волосы были коротко острижены. Его лицо всегда оставалось красивым. Высокие, широкие скулы и прямой, с горбинкой нос вкупе с полными, идеально очерченными губами. У него был квадратный жесткий подбородок с небольшой ямочкой.

Мужчина ошеломлял ее, но в его собранности было нечто холодное, почти отстраненное и немного жестокое. Для кого угодно другого это могло бы снизить его привлекательность, но для Розы? Для нее он становился еще более красивым.

О Боже, в этот момент Розы кое-что вспомнила. Как она могла забыть? Она не была уверена, но вроде бы недавно умер его отец. Лоуренс де Винсент умер так же, как мать де Винсентов. И так же, как Йен.

От собственной руки.

Хотя Лоуренс де Винсент не застрелился. Он повесился. Во всяком случае, так заявляла желтая пресса.

В тот момент ее сердце разрывалось от жалости к нему и ко всем братьям. Испытать то, что они испытали, не один раз, а дважды? Боже правый...

Девлин повернулся к ней лицом и пристально посмотрел на нее, в то время как она пялилась на него. Не так она представляла себе поездку на кладбище.

— Чем могу помочь? — спросил он, и, о Боже, его голос был глубок, словно океан.

— Я видела вас там и как цветы упали в лужу, — сказала она, делая маленький шаг ближе. — У меня есть лишние. Можете взять.

Солнечный свет скользнул по его скулам, когда он склонил голову набок. Он не ответил.

Так что она просто протянула ему пионы.

— Хотите?